

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Б.Н. ПРОЦЕНКО

ФОЛЬКЛОР В ДНЕВНИКЕ И ПИСЬМАХ Г.С. ПОПОВА

«Здравствуй, милая и дорогая супруга Екатерина Максимовна. С нетерпения я своего ретивого сердца спешу уведомить вас о своем полном здравии и хорошем благополучии, что я по милости Господа Бога и по ваших горячих молитвах нахожусь здесь жив и здоров, чего и вам желаю от Господа Бога также полного здравия и хорошего благополучия на многое лето, а нам, воинам, с помощью Божией разбить окончательно этого безбожного лютого врага и живыми и здоровыми воротиться на свою милую родину в объятия своих милых, дорогих семейств». Этими словами 16 января 1915 г. начал письмо к жене шорник 16-й Донской казачьей батареи урядник Григорий Степанович Попов, внося в почти канонический его зачин фольклорные словосочетания «ретивого сердца» и «лютого врага» (в тексте выделено мною. – Б.П.). Так выразилась важная составляющая внутренней культуры этого простого донского казака.

Григорий Степанович Попов родился 10 января (по старому стилю) 1885 г. в х. Мостовом (Мостовском) Нижнекундрюченской ст-цы 1-го Донского округа Области войска Донского в семье коренного казака Степана Марковича Попова, отец которого ввиду малоземелья переселился в хутор из станицы вместе со всем семейством. 1 сентября 1902 г. Григорий Попов «поступил в Константиновскую военно-ремесленную школу шорником», получив в ней за три года основательное специальное и общее образование. На Масленицу 1904 г. однокашники подарили ему общую тетрадь, которую

хозяин предназначил для конспектов изучаемых предметов (здесь записаны «Теория шорного ремесла» и «Геометрия») и двух сборников («сборов») песен, помещенных в конце тетради.

Пытливый и развитый от природы, Григорий Попов в полной мере использовал те возможности, которые предоставляла военно-ремесленная школа, став квалифицированным шорником и сапожником, а также приобретя основательные агрономические знания. Они выразились не только в умелом хозяйствовании в поле и на базу, но и в многолетних агрономических и садоводческих опытах, которыми он занимался на своей паевой земле, привычке вести ежедневные наблюдения за состоянием природы.

Вообще, нельзя не отметить склонность Г.С. Попова к письменной фиксации всего, что его окружало, с чем он сталкивался, что было ему интересно. Все эти сведения постепенно накапливались в записных книжках, которые Григорий Степанович в одном из писем жене с фронта назвал «памятными книжками», строго наказав ей непременно сохранить посылаемые записи как весьма ценную вещь. В какой-то момент (это трудно определить по тексту, но, по всей видимости, уже после возвращения с фронта) Г.С. Попов решил перенести содержание «памятных книжек» на свободные страницы упомянутой тетради. Попутно он редактировал текст дневниковых записей и дополнял их сведениями из жизни родного хутора (рассказ о поночевках, об отделении брата Феоктиста от отца, о времяпрепровождении хуторян в пасхальные дни и др.). Так образовался текст «Дневника Г.С. Попова», доведенный в тетради до 14 сентября 1916 г. и попавший в поле нашего зрения в январе 1997 г.¹ Кроме общей тетради, мы распола-

¹ Дневник, памятные книжки и письма Г.С. Попова в настоящее время хранятся в архиве фольклорно-этнолингвистической экспедиции.



гаем двумя связками переплетенных в кожу «памятных книжек» с подневными записями 1915 – 1919 гг. и 1921 – 1924 гг., а также перепиской Г.С. Попова, состоящей из шестидесяти писем 1908 г., когда автор находился на действительной военной службе, и 1914 – 1917 гг., когда он был на фронтах Первой мировой войны. Записные книжки последующих лет – а Г.С. Попов не оставлял этого занятия вплоть до смерти в 1950 г. – к великому сожалению, были сожжены его невесткой во время подготовки к Пасхе 1997 г.

И дневник, и письма являют нам человека недюжинного, высоконравственного, преданного родной земле. Основу его глубинной внутренней культуры составляют искренняя приверженность христианской вере, традиционным нравственным основам и образу жизни казачьей семьи, замечательное владение донским фольклором. По воспоминаниям Алексея Григорьевича Попова, и ныне живущего в ст-це Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., что в 8 км от х. Мостового, отец, отправляясь в поле, затягивал песню, едва за упряжкой закрывались ворота. Особенно же любил он играть песни после застолья в одиночку, шуточно объясняя жене, напоминая о позднем времени, что «открыл только первый мешок».

Прежде чем обратиться к фольклору дневника и писем, коснемся сборников песен в общей тетради, репертуар которых представляет определенный интерес. «Сбор песен 1904 года» помещен в конце общей тетради. Его текстам предшествует более позднее по времени посвящение:

*«Между многими друзьями
Можешь ты меня забыть,
Но хоть этими стихами
Можешь помнить и любить».*

На память господину уряднику Григорию Степанову Попову от ученика младшего класса Стефана Трофимова Белова. 25-го января 1905 г.».

Судя по почерку, С.Т. Белов и писал тексты «Сбора песен».

Кстати, и второй сборник, размещенный на предыдущих страницах, заканчивается целым рядом незамысловатых стишков, ана-

логичных тем, которые хорошо известны по домашним альбомам русских барышень:

*Васса – роза,
Васса – цвет,
Васса – аленький букет,
Васса – ландыш из ручья,
Васса – люблю я тебя.*

*Какой восторг, какая сила!
Ангел, душечка моя!
Твоя краса меня прельстила,
Я твой, а ты моя.*

*Сколько мне ни притворяться,
А пришлось открыть себя,
Шутку бросить и сознаться,
Ах, люблю, люблю тебя.*

Рукою С.Т. Белова в «Сборе песен 1904 года» записано двадцать текстов, среди них и популярные по всей России «Хас-Булат удалой», «В островах охотник», «В саду ягодка» (о Ваньке-ключнике), «Колечко» («Потеряла я колечко, потеряла я любовь»). Наряду с романсами: «О друг мой, тебя до могилы», «Соловьем залетным», сентиментально-лирическими, «альбомными» песнями: «Ласковые взоры», «Я вечер в лугах гуляла», «Под вечер осенью ненастной», «В одесских я садах гулял», а также шуточными: «Ты послушай, Василиса», «Песня кап-рала» («Здорово, брат, уведомляю»), «Трубочку со мной проводите», «Песня о пьянице» («Друзья мои, я изнуренный») – встречаются произведения классического, и даже оперного репертуара: «Становила сторожей у ворот и у дверей» (из оперы П.И. Чайковского «Воевода»), «Сусанин, Сусанин, куда нас ведешь?» (из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин»). Казачья тематика здесь представлена песнями, известными, пожалуй, всей тогдашней России: «Казак во чужбине» («Поехал казак во чужбину далече»), «Ермак» («Ревела буря, гром гремел»), «За Уралом» («За Уралом за рекой казаки гуляют»).

Такой же характер носит и «Сборник песен 1905 г.», в котором находим популярнейшие «Вот мчится тройка почтовая», «По синим волнам океана», «По диким степям Забайкалья», романс «В одной знакомой улице», мелодраматическую «Песню о сунженце». И лишь одна песня, созданная по горячим следам событий, отражает казачью те-

матику, являясь по существу балладой, – «Песня Донцов 1904 г. и 1905 г. О набеге Генерала Мищенко 1904 г. 30 дек. И его действие с 11-го по 15 января 1905 г.»).

Сборники песен дневника Г.С. Попова, на наш взгляд, свидетельствуют, что донские казаки, особенно молодежь, не были изолированы от общерусской массовой песенной культуры. В их среде культивировались те же песенные тенденции и мотивы, которые были характерны для городской мещанской культуры. Сам Г.С. Попов знал приведенные тексты (о чем свидетельствует его резолюция «Верно» под текстом ряда песен), но все-таки отдавал предпочтение казачьей песне. Так, он продолжает «Сбор песен» текстами «Песни про генерала Бакланова 1850 и 52 годов N 20 и 17 полков», песни «Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется» и «Песни Кавказа, казачьей» («Баклановцы-молодцы, вспомним, как недавно, Разудалые наши бойцы, Мы дрались славно»). Другие дополнения к сборникам Г.С. Попов сделал по возвращении с фронта, сопровождая записи краткими, но выразительными комментариями. «Занесенную», по его словам, с германской войны песню «Свети же, месяц ясный, во всю линию, Чтобы видно было молодцу, видно сы плену идти» он атрибутирует следующим образом: «Пели в Карпатских горах при наступлении и отступлении австрийского фронта от гор. Надворного и до города Мармарож-Сегета в Венгрии месяца август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1914-го года». Записью «Донской казачьей песни о убитом казаку» («Тёмная невидная ноченьки надоели // они надаскучили, надааскууучили. Запевало: Ой, надаскууучилиии!!!») он пытается передать манеру исполнения, замечая: «Пели её на германском фронте в 16-й Дон. Казач. Батарей». Перед первым сборником песен на чистой странице Г.С. Попов записал слова «Казачьей Донской песни в смутное вре-

мя»: «Ой ты, батюшка наш славный Тихий Дон, Ты, кормилец наш Дон Иванович», – а в середине сборника нашел место для «Песни казака за границей». На страницах, разделяющих записи 1915 и 1916 гг., помещен текст «Казачьей песни молодой вдовы о потере».

Как видно, большинство дописанных песен носит минорный, а подчас и трагический характер, но они столь точно соответствовали народному представлению о войне и страданиях, с ней связанных, что пережили и Великую Отечественную войну, оставшись в репертуаре самодеятельных исполнителей по сей день².

В дневнике и письмах фольклор представлен двумя жанрами: песнями и пословицами. Ограничиваясь в дневнике цитированием двух-трех строк, Г.С. Попов относил

² Так, песня «Тёмная, невидная ноченьки надоели» записана в 1998 г. фольклористом В.Ю. Матюшкиным в ст-це Нижнекундрюченской от А.Т. Рокотовой, а в 1991 г. им же – в г. Каменске от сестер Ковалевых.

182

- 174 -

1906² Год

только один отаражили, да так с 1-го декабря погоди ели морозы, но не дали, опять погоди оттепели от дождями до самого Возрождения выключились. В день Возрождения христово 25-го Декабря сыпала густая крупная метель, а ночью шел дождь, на вечер ветер пошел от севера и стало замораживать, тогда и легла земля на грязную землю, но в ночь сильно заморозило, и тогда на следующий день был очень сильный мороз, тогда остались на всю зиму. Морозы продолжались в том-длинее месяце Декабря 21-м, до нового года. Моей и Коммуны 1906-го года.

6-го Января мы пришли буржуйки о записке меня в артиллерии старшим горничным 27-го Января день открытия заставы 4-й Босударственной Дивизии, а в 1-й полк была распуцена, через ее обозначилась деятельность, и посылать другой ураль отвести в 2-й полк Дивизии

Страница из дневника Г.С. Попова.



песни к определенным праздникам народно-православного календаря или к тому или иному обряду. В х. Мостовом на Пасху «девушки, натамцевавшись, поют любовные песни – "Скука, скука есть с милым разлука, ой разлука ся, ой да есть несносная, да вот горя, да беда" и т.д. А парни себе заведут песню "Скакал казак через долины, через кавказские поля и т.д." и "На горе высокой два креста стоять"». Пасхальный репертуар резко меняется во время войны: на Пасху 1915 г. казаки «шли по улице, играли песни "Слава Платову-герою", и "Наверх вы, товарищи, все по местам", и "Грянем славою «ура» за Россию, за царя" и проч.». На Рождество 1914 г. (по старому стилю) «обедали суп с мясом и кашу, выпили пива по 1-й бутылки и поиграли песни: "Долинушка ты моя зеленая, ты раздолье мое широкое, Ты подворье мое веселое, Ты скажи только, расскажи, ай и да про братца моего родимого..." и "Не одна та родимая маменька, сына её, да сына она породила..."». А на Крещение 1916 г. «после питья св. воды и окончания пения церковных песнопений мы пошли по квартирам и сейчас же запели песни "Слава Платову-герою, победитель был врагам" и "Наверх вы, товарищи, все по местам" и проч.». Как видно, патриотические и служивские песни, в том числе и казачьи данной тематики, казаки исполняли «на публике», а в своем кругу вспоминали и мирный репертуар.

Песни, сопровождающие обряд проводов казака на службу, судя по записям Г.С. Попова, строго соответствовали конкретному эпизоду обряда. В начале прощального застолья «песни пели "Последний сегодня денечек гуляю я с вами, друзья" и "Последний день красы моей"», а «когда всё было готово, кончили пир, и только раздавались удалые песни, казачьи: "Прощайте, отец, мать, родные, ой да вы прощайте, сына да вы своего, ой да вы считайте денечки мои остальные, ой дни-часы гулянья да вы моего" <...> и еще "Яркая зоренька, вспыхнула по небу она голубом, родная маменька вздохнула ой да сидя по сыну она своему"».

Таким образом, дневник Г.С. Попова достаточно наглядно представляет роль песни в народной культуре донских казаков начала XX в. Здесь имеют место и традиции, и заимствования из общерусской, преиму-

щественно городской, культуры, и новационные отклики на значительные события этого времени.

В письмах песня отражена несколько иначе. Лишь однажды (в письме отца 1908 г.) упомянуто название: «А Андрей Иванович оздоровел, уже был в некотором гулянии и играл песенку "Зернушку"». Плясовой характер песни должен был убедить адресата в полном здравии упомянутого казака. В остальных случаях авторы писем искусно вплетают в текст строчки хорошо известных донцам песен, добиваясь тем самым максимального эмоционального воздействия на читателя. Рассказывая о встрече с братом на фронте, Феохтист Степанович Попов пишет Екатерине Максимовне (здесь и далее песенные цитаты выделены. – Б.П.): «Когда мы свиделись с братом с Григорием, как стаи орлы в поле сылетались, как ни два-та родимых братунюшки в поле они сыезжались» (20.01.1915). Песенные ассоциации возникают при чтении письма Г.С. Попова от 12.02.1915 г.: «Каждую почту всё жду-поджидаю с восточного краю, когда же мне весточка с Дону прилетит». Песенными строчками Григорий Попов передает общее настроение казаков покончить с войной и вернуться к своим семьям: «Она (война. – Б.П.) кончится тогда, когда вы и ожидать не будете, и тогда в дни златые мы свернем в край родной и, как соколы лихие, полетим на Тихий Дон. Отцы-матери нас примут во родительский свой дом, а женка молодая от радости такой обнимет дорогого и к груди своей прижмет. Хоть и скучаю по тебе, да где же тебе достать-то, далеко-далеко от тебя, во зеленых во лугах и во дремучих во лесах, где туманы да дожди, надели они, надоскучили» (26.08.1915). В другом письме песенные строчки заменяют подробное описание: «Служба нужная надела-надоскучила, добрых коников служба позаездила, день и ночь кони пооседланы» (13.06.1915).

Песня выступает высшим арбитром в тянувшемся более двух лет споре между Григорием и Екатериной о том, как распоряжаться деньгами, выдаваемыми казной женом воюющих казаков. Однажды, не сдержавшись, Г.С. Попов в сердцах пишет жене: «...Не шли ты мне ничего, не надо и не надо, не нуждаюсь я твоими посылками, а ты

сиди не рыпайся в теплом кутке да пой песню: "Сидела я, бабачка, поздно с вечеру. Все я думушки передумала, Советушки пересоветала. Сама я, бабачка, плохо сделала, своєю дружка распрогневала"» (16.10.1916). Это, пожалуй, единственное жесткое письмо в адрес жены, которую автор чаще всего вспоминал на фронте с нежностью и заботой, а свою тоску однажды выразил песенной строкой: «И свернусь я на соломке, и, младен, один усну» (1.10.1915).

Как видно, фольклорная песня (а такой можно считать и авторскую песню, безымянно «растворившуюся» в народном творчестве) помогала даже таким испытанным, стойким воинам, какими всегда были донские казаки, поддерживать оптимизм и веру в благополучный исход службы, а в иных случаях снимала накопившуюся физическую и душевную усталость. Сопровождая казака во всех жизненных перипетиях, песня настроивала воина и земледельца на поэтический лад, порой вдохновляла его на такие строки, какие мы находим у Г.С. Попова: «Пронесутся эти мрачные тучи, и взойдет когда-то красное теплое солнышко, обогреет и возрадует нас тем миром, которым благоденствовала наша миролюбивая Россия» (20.10.1914).

Пословицы и поговорки встречаются лишь в переписке Г.С. Попова и его близких. Большая их часть воспроизводит общерусские варианты, иногда с некоторыми изменениями. Такие пословицы и поговорки призваны подчеркнуть правоту рассуждения употребившего их автора письма или подоживают всё прежде сказанное. Так, Г.С. Попов советует жене быть сдержаннее в отношениях со свекром и свекровью (здесь и далее тексты пословиц выделены. — Б.П.): «Я не раз тебе просил, что скажи слова два-три, а потом лучше замолчи: чем не дальше в лес, тем больше дров» (20.04.1915) — с выразительной частицей *не*, указывающей на донское усвоение общерусского инварианта. В полном виде представлена поговорка, передающая всю сложность и противоречивость фронтовой жизни: «Живем хорошо: часом с квасом, а порою с водою» (31.08.1914). О том же в другом письме: «Словом, живем богато, только грошей мало» (16.01.1915). Ненадежность всякого рода прогнозов подкрепляется народной

сентенцией: «Помоги, Господи, германца разбить — австрийцы все очутятся у нас. Но что было, видали, а что будет, увидим» (без даты). Не чужды пословицы и братьям Г.С. Попова. Феоктист нейтрализует брошенный ему Екатериной Максимовной упрек, прибегая к общеупотребительному выражению: «Что бы ни прописал, шила в мешке не утаишь» (без даты). А Иван так объясняет брату поведение оставшихся дома казачек: «Знаете, Гриша, пословица говоритца: насади свиню за стол, она и ноги на стол. Вот так и наши бабы заелись у белам хлеби»³ (18.08.1917).

Собственно донских пословиц всего несколько, и почти все они отражают особенности уклада жизни донского казачества. Намаявшись на фронте с охромевшим и ослепшим конем, Г.С. Попов жалуется родителям: «На хорошем коне — служба, на плохом — наказание» (28.12.1914). Долговременное соседство казаков с калмыками привело к усвоению манеры последних говорить по-русски и переводить на русский язык оригинальные идиомы. Одну из них воспроизводит Г.С. Попов, указывая на источник: «И как калмык сказал: "Середка набила — края заиграли", — и запели песни» (6.02.1917). Поучая жену, он прямо указывает на народную мудрость: «А пословица говорит: не укусишь горького, не увидишь и сладкого» (16.10.1916).

Наконец, пословичную форму имеет одно выражение из дневника за 1905 г.: «В один год и один месяц женили моих младших двух братьев, я же остался еще потаскаться, но нельзя было кидаться». Как нам кажется, за внешне грубоватой формой скрывается указание на донские поночевки, позволяющие менять партнера ночных бесед, но не допускающие фривольностей и тем более предосудительного поведения. Впрочем, здесь нужны еще дополнительные изыскания.

Дневник и письма Г.С. Попова кажутся нам весьма важными документами жизни простых казаков накануне исторического перелома. Они являются прямыми свидетельствами того, что фольклор в этой жизни занимал далеко не последнее место.

³ Сохранена орфография оригинала.